

Океан

Океан отступил, и волны едва набегали на берег. Я шёл по влажному песку. Пройдя метров сто от одних каменных уступов до других, обернулся: следы моих кроссовок были целы и невредимы, ни одна волна не смогла добраться до них. Я улыбнулся, словно в этом была какая-то моя заслуга.

Чуть уловимые на ветру терпкие запахи северной тундры смешивались с дыханием Баренцева моря¹. Мне говорили, что, уехав, я затоскую по этому воздуху, которого больше нигде нет, раньше, чем по всему остальному. Вот я и вбираю весь букет ветров полной грудью, словно пью холодную воду в жаркий день. А воздух кружит голову, наполняя каким-то неведомым чувством. И, наполненный им, я прислушиваюсь, как размеренный бег волн да шелест ветра сплетают прозрачную мелодию. Ничто и никто не удерживает её. Она здесь по собственной воле. Потому что ей тут хорошо, спокойно и свободно.

Разлитые в воздухе вечерние краски скользят по первой изморози на болотах и озёрах, огибают сопки и камни и растворяются между ними, шёпотом поделившись с ветром тайной своего свечения. Кто захочет, тот обязательно разглядит их.

Я подставляю лицо солнечным лучам. Между вечным светилом и мной — бегущая по волнам оранжевая дорожка, связавшая нас в этот миг через миллионы километров и миль. Вообще-то сейчас уже конец августа. Почти осень. Всё вокруг говорит о скорой

зиме, полярной ночи, арктических морозах и ураганах. Но это потом. А пока густое алое солнце качается на волнах у кромки горизонта, готовясь на время укрыться за ним, чтобы через несколько часов вынырнуть из воды как ни в чём не бывало. Это главное — обязательно вынырнуть. А иначе и быть не может. Так всегда было — тысячи, миллионы лет, — и так будет. В этих краях с иными мерками и появляться не стоит. Так что придёшь сюда через пару тысяч лет, а солнце всё равно вынырнет в этом месте, и кто-нибудь обязательно будет смотреть на него, и никуда ничего не денется.

Вообще-то, когда я приехал сюда, таких закатов вроде бы не было? Или я просто не замечал их?

Трудно сказать. Не помню. В любом случае теперь я знаю точно, что они есть. А это уже немало.

Прыжок судьбы

Помню, как в начале лета, ещё в городе, мы с отцом стояли друг напротив друга.

Я тогда произнёс:

— Ну, вообще-то у меня переходный возраст.

Мне это объяснение казалось вполне исчерпывающим. Но не думаю, чтобы отец был со мною согласен. И точно: он внимательно посмотрел мне в глаза и протянул:

— А-а-а, переходный...

Мне оставалось только согласиться:

— Ага.

— Ну что ж, это дело серьёзное, — он отставил свой портфель. — Переходный — от слова «переходить». Дорога неблизкая. Сам понимаешь.

К чему это он клонит? Но я всё-таки кивнул.

И отец тоже кивнул. И замолчал.

И как-то выходило, что мы с ним вроде и не спорим. С ним всегда так: только хочется заявить о своих правах, тут же выясняется: чего их заявлять, если они особо никуда и не девались?

Вот и сейчас мы смотрим друг на друга, чуть подняв брови и улыбаясь так, словно говорим что-то вроде:

— Ну-ну, конечно...

Отец первым прерывает эту дуэль взглядов:

— Тогда, друг мой, в путь! Такое путешествие пускать на самотёк нельзя. Так что готовься! — и отец подмигнул, словно качнул лодку, и от неё по спокойной водной глади побежала лёгкая зыбь.

— А к чему мне, собственно, готовиться? — я насторожённо посмотрел на отца. Но тут у него зазвонил телефон, и он только похлопал меня по плечу и опять полез в свой портфель. Интересно, что же это он такое придумал?

Так вот, я, конечно, многого мог ожидать от отца, но чтобы вот так перевернуть всё с ног на голову — такое мне и во сне не могло привидеться. И не только, между прочим, мне. Вы бы видели маму, когда она узнала, что он затеял! И благодаря ему мои мечты о морских курортах и беспечной летней жизни растворились в прозрачном полярном тумане. Он сказал, что вместо южных морей мы едем на Север.

— Да-да, на самый Север! — и отец показал на карте Кольский полуостров.

— А валенки с собой брать? — попытался связать я.

Отца это не смутило.

— Нет, — успокоил он меня. Потом подмигнул и добавил: — Там выдадут.

И опять похлопал меня по плечу. Что и говорить, у папы всегда было хорошо с чувством юмора. По крайней мере, он так считал.

Сказать по правде, я толком и не понял, чего он там забыл на этом Севере. Да в тот момент не очень-то и хотел разбираться. Кажется, ему предложили провести инспекцию каких-то гидрографических² объектов, и он согласился. Мог ведь не соглашаться — я это понял из обрывков его разговора с мамой, — но нет, согласился. И вот это возмутило меня больше всего! Явно сделал так специально!

— Точно, — подтвердил отец, — специально. Мы же с тобой собрались в поход, вот я и воспользовался случаем. Север — это вам не бока греть на пляже, молодой человек...

Я решил, что всё это звучит слишком жестоко, и ушёл к себе — изучать карту.

Нам предстояла дорога на самый север Кольского полуострова. Туда, где к нему друг за другом прилепились ещё два — Средний и Рыбачий. Я их даже разглядел на карте. В тоске и унынии полез в интернет. Выяснил, что последние лет пятьдесят эти места были вотчиной военных. Потом они ушли. Оставив свои городки, бросив то, что казалось лишним. Вскоре после их ухода туда потянулись люди без роду и племени. Эти не церемонились — тащили всё. И вот теперь отцу предстояло выяснить, что уцелело. На работу отводилось целое лето, и ему разрешили взять меня с собой.

Я затолкал в рюкзак вещи. Даже тёплые носки, которые всегда забывал. Мама мне их торжественно вручила, когда я уже застёгивал молнию. Попытался возразить, что вообще-то лето. Она с улыбкой пожала плечами:

— В Арктике лета не бывает. Это констатация факта.

В общем, и свитер я тоже взял, раз уж мне так свезло в этой жизни. Ещё думал, брать ли скейт: может, там есть рампа? Но отец сказал, что в том месте, куда мы едем, нет даже асфальта. Я чуть не поперхнулся. Сейчас приятели летают на своих досках на стадионе, крутят всякие трюки, прыгают с рампы на рампу... А у меня тут такой прыжок судьбы. Стало как-то совсем уныло. Катаются, и дела им нет до асфальта на краю земли. Я даже говорить не стал, куда еду. Сказал просто, что на море, и всё.

— Повезло, — они пожали мне руку и помчались делать свои флипы и оллы³.

Я с тоской посмотрел им вслед и зашагал в новую для себя реальность.

Старший менеджер

Сначала мы больше суток пилили в поезде до Мурманска. Затем часа три тряслись на машине. Всё, что я видел за окном, оптимизма не вызывало. На сопках ещё лежал снег, хотя было уже начало лета. И никакой зелени кругом — только серые скалы да низенькие деревья с голыми ветками. И мы тут такие приехали. Ну, папа! Всю дорогу я дулся на него.

А он ещё издевался:

— Ну, как тебе такой трансфер? — это он про обычный уазик с брезентовым верхом.

Но дальше — хуже! Доехав до какой-то Титовки, мы свернули с асфальтированного шоссе на грунтовую дорогу и пересели на гэтээску, по сравнению с которой уазик был верхом комфорта.

Гэтээска — это допотопный гусеничный автомобиль. Нечто среднее между трактором и боевой машиной пехоты, которую я видел на парадах. Но парад — это красиво. А тут — каша из песка, снега и камней. Я думал, такое бывает только в фантастических фильмах про заброшенные миры, но нет. Оказалось, я заблуждался.

Мы забрались в гэтээску и тронулись. Поначалу я попытался ехать как взрослые — сверху, «на броне». Вокруг уныло тянулась бескрайняя и безжизненная тундра. Грязные камни вылетали из-под железных колёс. Двигатель тарахтел на полную катушку, но сопровождавший нас человек в замасленном бушлате всё равно пытался перекричать грохот и не переставая что-то рассказывал отцу сквозь шум. Я ничего

не слышал, вскоре замёрз и попросился внутрь машины. Здесь было так же шумно, но по крайней мере тепло, хотя и воняло машинным маслом, дизельным топливом и металлом.

Примостившись на коротенькой скамейке, я решил, что моя жизнь загублена окончательно. И в нынешних обстоятельствах спасти её не может ничто. Ну, абсолютно ничто и никто.

— Сегодня спать будем здесь, — сказал отец, показывая на круглые обшарпанные вагончики, до которых мы добрались под вечер.

— Это тот самый отель пять звёзд? — простонал я, пытаюсь расправить руки-ноги-плечи после гусеничной тряски.

— Считай, что да, — ответил отец. — Как минимум три.

— И здесь нам предстоит провести незабываемый отпуск? — продолжал я.

— Нет, — успокоил отец. — Это лагерь геологов. Завтра поедem дальше. А пока не теряй времени на разговоры.

Я подошёл к двери вагончика, потянул за ручку. Дверь упала на меня, соскочив с петель прямо на ноги, а потом шлёпнула по голове. Сначала захотелось заплакать, но тут же стало смешно. Этаким смех сквозь слёзы. Раньше о нём только читал, а теперь испытал и проникся. Так сказать, на собственном опыте.

— Прикольно... — выдавил я.

Тут же из выломанного мною дверного проёма показалось лицо толстого дядьки в тельняшке:

— Поосторожней, брат! Ноги беречь надо! Как и остальное. А то жалко всё-таки.

Потом он аккуратно снял дверь с моей ноги и повесил обратно.

— Шалют петли. У них такое бывает... — пояснил толстяк.

Шишка, добро пожаловать, сказал я себе и потрогал место удара. А вслух спросил:

— А вы тут, случайно, не старший менеджер отеля?

— Старший менеджер! Ну, парень, ты даёшь! — засмеялся здоровяк и тоже хлопнул меня по плечу. Это было немногим слабее упавшей двери. — Давай, заходи, старший менеджер! Добро пожаловать!

По обшарпанному виду вагончиков было понятно, что их привезли на полуостров лет пятьдесят назад, если не больше. Внутри — темно, ничего не видно, и я сразу же ударился головой обо что-то твёрдое.

— Вторая шишка, добро пожаловать, — сказал я себе.

— Ты нам тут всю мебель порушишь, — добродушно проговорил толстяк и пропал где-то в глубинах строения. — Ха, старший менеджер!

— Как же тут можно спать? — спросил я отца.

— Можно, — коротко ответил он, расчищая панцирные кровати от сваленных там коробок. — Можно, потому что безопасно.

Я сел на кровать. Она пружинила подо мной, но веселее от этого не становилось. За мутными окнами был серый-пресерый Север.

Да, заехали мы. В глубине живота зародилось желание побыстрее сбежать, вернуться в привычный мир. Хоть пешком. Пока недалеко забрались. Это чувство росло, поднималось к лёгким и глазам. Ещё

чуть-чуть, и я бы точно заплакал. Но отец не обращал на мои переживания никакого внимания и не отвечал на мой обиженный взгляд.

Уже потом он признался, что всё видел: и моё отчаяние, и немой вопрос, смешанный с укором, — но молчал, не реагировал.

— Мы ведь не могли раскиснуть на пару от того, что всё вокруг выглядит так неважно, — улыбался отец. — Пожалеть себя проще простого. Надо учиться преодолевать трудности. Вот мы с тобой и учились.

Когда отец говорил об этом несколько месяцев спустя, мы лежали посреди ярко-красного с оранжевыми и зелёными вкраплениями ковра заполярной тундры под лучами северного солнца. Мы раскинули уставшие руки-ноги на упругом ягеле и мечтательно смотрели на причудливые очертания облаков в высоком прозрачном небе.

— К тому же я знал, что на самом деле здесь всё по-другому, — произнёс он сонным голосом, собираясь вздремнуть несколько минут прямо посреди кустиков брусники и морошки.

Но всё это было спустя почти три месяца.

Открытие мира с тряпкой в руках

От перешейка, где находилась промежуточная база геологов, дорога вела дальше на север. Она петляла между сопок, поднималась на перевалы, спускалась вниз, огибала озёра и болотца. Хотя, сказать по правде, и дорогой-то её назвать можно было лишь условно. Отец рассказал, что давным-давно её пробили монахи. Не то в XVI, не то в XV веке. Не очень-то понятно, зачем они это делали, подумал я, зачем шли в края, где снег лежит чуть ли не круглый год.

Я опять замёрз, но уже знал, как с этим бороться. Я надел тёплый бушлат, который мне дали геологи. Да, в таких условиях быстро начинаешь понимать истинную ценность вещей и подарков.

Через час выяснилось, что у гэтээски сломалась третья скорость. Водитель перешёл на вторую. Так и плелись мы со скоростью десять километров в час до самого маяка. Я попытался слушать плеер, но он вскоре сел, потому что я забыл его зарядить.

Посёлок, куда мы ехали, находился рядом с маяком и назывался Цыпнаволоок. Посёлок — это тоже громко сказано. Всего-то грунтовая дорога длиной метров сто. Не очень ровная и не очень прямая, с лужами и кое-где торчащими из земли камнями. Но утрамбована она была почти до состояния асфальта. И ведёт с одной стороны к морю, с другой — в тундру. Вот и все варианты.

По сторонам этой условной улицы стояли дома, сараи, котельная и что-то ещё в том же духе. Напротив

единственной трёхэтажки — дизельная подстанция из серого силикатного кирпича. Рядом с ней — заброшенное здание с выбитыми окнами, над входом в которое висела покосившаяся надпись «Баня». Чуть в стороне — нечто странное с узкими окнами в мутных стеклянных квадратиках и закрытой на замок ржавой дверью. Когда-то здание было зелёным, кое-где остатки цвета ещё проступали. Вместе с краской обвалились и части кирпичей, остатки которых теперь смотрели на мир своими грязными рваными краями, точно куски мяса.

Наверное, когда-то здесь всё было новым и чистым, а жизнь — разумной и понятной. Теперь покосившиеся полуразрушенные строения больше походили на окружавший их каменный мир. Построенные в безлюдных местах, они словно удалялись от покинувших их людей, распадаясь среди скал, становясь их частью и подобием. Чуть поодаль сквозь пелену тумана проступала пограничная застава. Над нею торчали антенны с проводами, изгибавшимися дугой и гудевшими при порывах ветра.

Рядом шумел океан. Его не было видно: над посёлком висел туман. Но даже в этой пелене чувствовались сила и скрытая мощь большой воды, от которых по спине бежали мурашки.

Из всех поселковых построек для жилья предназначалась лишь облезлая трёхэтажка, где нам и предстояло провести ближайшие месяцы. Выйдя из гэтээски, мы взяли сумки и пошли в дом. На третьем этаже нам выделили целую трёхкомнатную квартиру, обшарпанную и неуютную. Как вообще тут можно жить?

На мой вопрос отец, как всегда, ответил совершенно невпопад:

— Думаю, тебе понравится...

«Ничего себе, понравится!» — возмущался я, находя у самого себя полную поддержку. После дороги всё болело, отваливались не только ноги, но и прочие части тела, поэтому сил спорить не было совершенно. Мне кажется, на этих словах про то, что мне понравится, я и провалился в сон. Как говорится, без задних ног. Да и без передних тоже.

По моим ощущениям, проснулся я в ту же секунду. На голову что-то капало. Я закричал.

Оказалось, это дождь. Он пошёл ночью и, естественно, протёк сквозь крышу. Мой крик перешёл в стон: и это называется отпуск?!

Я хотел спросить, где справедливость, но отец перебил:

— Чем вопить, сбегай-ка лучше за ведром! Проку больше будет.

И ещё полночи мы затирали лужи и подставляли под воду тазики и прочую тару.

На следующий день от бессилия и тоски хотелось то возмущаться, то плакать, и я ничего не мог с собой поделать. Чувство юмора не помогало.

Когда я первый раз пошёл в туалет, то даже не смог спустить воду. Предательская кнопка сначала никак не хотела нажиматься, а потом никак не хотела вставать на место. Унитаз был с ржавыми подтёками и качался, потому что неровно стоял на плохо выложенном коричневом кафелем полу.

Душ поначалу тоже не работал, но в итоге я всё-таки смог повернуть рычаг. Хотя напор воды оказался

таким слабым, что назвать это устройство душем было бы большим преувеличением.

— Ты не мог оставить меня в городе? — спросил я отца, вернувшись в комнату.

— Мог, но ты должен знать, что так тоже бывает, — ответил он. — А пока берись за тряпку, и давай наводить порядок. Это верный способ разобраться в окружающем тебя мире.

Подпустить немного философии — это тоже в отцовском стиле.

На вес золота

Всё время отец проводил в разъездах по Среднему и Рыбачьему. Возвращался он поздно. Особенно поначалу. К тому времени я уже часто лежал в кровати. Иногда спал, иногда делал вид, потому что не хотел лишних разговоров. Но отец и сам ни о чём не спрашивал. Утром он уезжал вновь, а я оставался дома один, не зная, чем себя занять.

Сказать по правде, была ещё одна мысль, не дававшая мне покоя. Дело в том, что мой день рождения — летом. И так-то я всегда провожу его без школьных друзей, но хотя бы родители обычно придумывали что-нибудь интересное. А что может быть такого уж необычного здесь, на этих забытых Богом островах? Только скалы да ветер. Да ещё геологи. Но это не та компания, на которую я рассчитывал. От мыслей про потерянный день рождения становилось совсем мрачно.

После пары-тройки тоскливых дней, проведённых в четырёх стенах, я вышел на улицу. На ту самую — единственную. По ощущениям это можно было сравнить чуть ли не с вылазкой в открытый космос.

С момента нашего приезда здесь ничего не изменилось. Время явно жило в этих краях по особым законам и никуда торопиться не собиралось.

Я вышел из единственного подъезда и огляделся. Посёлок казался частью забытого и затерянного в неизвестности мира. И в его центре находился я.

Рядом — ни души. Только собака лениво прошла мимо, не обратив на меня никакого внимания.

Я сделал несколько осторожных шагов, точно опасаясь, что из-за угла выскочит монстр или под ногами откроется люк, в который я улечу. Но в реальной жизни такого не бывает. Впервые я подумал, что это, пожалуй, хорошо. Лишних неожиданностей не хотелось.

— Заходи в гости! — вдруг прозвучало за спиной.

В этот момент я стоял под вывеской несуществующей бани, боязливо заглядывая внутрь строения. Вздвогнув, я обернулся. Передо мной был бородач в камуфляжной куртке, спортивных штанах и резиновых сапогах. Оказавшись на чужой планете, плохо понимаешь, как надо реагировать на подобные приглашения. Я растерялся. Но незнакомец по-своему понял моё смущение:

— Не сюда, конечно, — ко мне, в радиорубку. Вон она. Дождь начинается, а ты в кроссовках. Промокнешь...

Я кивнул. Оказывается, инопланетяне тоже стараются спрятаться от дождя. Это нас сближало.

Мы пошли по грунтовке в сторону обитого железом зелёного фургона, который бородач назвал радиорубкой. Судя по спущенным и обмякшим колёсам, посёлок был местом его вечной стоянки.

Хозяин открыл дверь, поднялся в фургон. Изнутри раздался щелчок, а следом ещё один. В камерке появился свет.

— Напряжение надо сбрасывать, чтобы на приборы не влияло, — пояснил он.

Я тоже вошёл в радиорубку.

— Сейчас на связь выйду, и будем чай пить... — он сел перед здоровой радиостанцией, щёлкнул тумблером туда-сюда и повернулся в мою сторону. — Меня вообще Борисом зовут, — он улыбнулся и протянул руку.

— А я Ваня... — я тоже протянул руку.

— Ну, вот и познакомились!

Он вскипятил электрический чайник, достал с полки большие оранжевые кружки в белых кругах по бокам, коробку с кусковым сахаром, маленькую миску с печеньем и конфетами.

— Ну, как тебе тут у нас?

Я не знал, что ответить.

— Как-то грустно, разруха кругом, всё ржавое и старое...

Бородач немного помолчал.

— Да, с непривычки тоску нагоняет. Я, когда сюда приехал, тоже загрустил. Ну, да мне особо выбирать не приходилось... А потом привык.

Борис налил чая. Такого густого, что я даже поморщился от горечи.

— Извини, это я по привычке. Налил, как себе... Добавь сахара, тогда вкусно будет.

Мы сидели за его рабочим столом. Со всех сторон нас окружали приборы с широкими пучеглазыми экранчиками, дрожащими стрелками, бегающими жёлтыми волнистыми линиями. Иногда в приборах что-то переключалось, и они начинали урчать, как живые.

Чай действительно оказался вкусным.

— Тут вообще-то много всякого интересного. Человек, конечно, погадил вокруг. Такая уж у него натура. Но природа здесь необидчива. Всё принимает, всё прощает...

В радиорубке было тепло. Дождь за окном начался и уже прошёл.

Борис поставил чашку на край стола, собрал ладонью крошки и аккуратно ссыпал их в рот.

— Так что ты погоди грустить, ещё освоишься...

После дождя наступила весна. Это произошло внезапно, в один момент, словно по волшебству. Я это сразу почувствовал, когда вышел из радиорубки. Весна, и всё тут. И вот уже ветер, не утратив своей силы, стал тёплым и мягким. Земля точно вздохнула, не боясь заморозков. И действительно, уже на следующий день на кустиках появились осторожные листочки. Они ещё чуть медлили, словно не верили до конца, что можно выбираться на свет, но в считанные дни сопки начали превращаться в зелёный ковёр, а серые скалы и грязные снежники в ложбинах уже не казались приговором всей моей жизни.

Нигде так не ждут весну, как на Севере, говорил Борис. И нигде её так не ценят — хрупкую, робкую и мимолётную. У неё на всё про всё неделя-две. Это максимум. А потому каждый день — на вес золота.